

Юрий Юрьевич ПЕРШИН / Yuri PERSHIN

| Жертва: взгляд циника / The Sacrifice: a Cynical Approach |

Юрий Юрьевич ПЕРШИН / Yuri PERSHIN

*Омский государственный технический университет, Омск, Россия
Профессор кафедры психологии труда и организационной психологии
Доктор философских наук, доцент*

*Omsk State Technical University, Omsk, Russia
Department of Labor Psychology and Organizational Psychology
Doctor of Science in Philosophy, Associate Professor
pershin9059229943@yandex.ru*

ЖЕРТВА: ВЗГЛЯД ЦИНИКА

В статье предлагается системный взгляд на феномен жертвоприношения. Автор считает, что феномен жертвоприношения необходимо исследовать вне стилистики сакрального, но не выходя из дискурса re-ligio. Здесь продуктивен системный подход, когда мир рассматривается как суперсистема, а приносящий жертву человек – как ее элемент. Жертва рассматривается как средство/источник энергии для его локального включения в физиогенную теологическую систему (ФТС) и поддержания этого включения некоторое время. С точки зрения архаического сознания тот, кто управляет реальностью, (в современных терминах) является Субъектом. Если таких «сущест» несколько – то они являются Со-Субъектами. Те, кем они управляют, являются объектами. Жертва такому Субъекту, таким образом, является средством соединения, объединения, единения с ним.

Ключевые слова: жертва, жертвоприношение, физиогенная теологическая система, субъект, субъектность.

THE SACRIFICE: A CYNICAL APPROACH

The author supposes that the phenomenon of sacrifice should be examined outside the discourse of the sacred, but inside the discourse of re-ligio. Here the systematic approach should be applied, when the world is regarded as a supersystem, and a sacrificing man is its element. However, the sacrifice is considered as a medium/energy source for his local inclusion/integration in the physiogenic theological system (FTS) and maintaining this inclusion for some time. In a situation of survival, it is insufficient to establish a re-ligio in the Lactantius' terms as a simple manifestation of one's existence to some higher powers (a god/gods). For a man it is necessary to establish a re-ligio in the Cicero's terms, as the relationship between the elements of the religious system involving feedback, and as communication. The person with the archaic consciousness considers a representative of the higher powers (a god/a spirit) to be (in modern terms) the Subject who controls the reality. If there are several of such representatives - they are co-Subjects. They manipulate by objects. The sacrifice for such a Subject, therefore, is a means of connection, unification and unity with him.

Key words: sacrifice, sacrificing, physiogenic theological system, subject, subjectivity.

Юрий Юрьевич ПЕРШИН / Yuri PERSHIN

| Жертва: взгляд циника / The Sacrifice: a Cynical Approach |

К теме жертвы мы уже обращались в статье «Археология религии: жертва и жертвенность»¹. Обращение было в русле изучения архаического сознания и, думается, содержало признаки того отношения к объекту исследования, которое вполне соответствует «синдрому неопита». Действительно, тема включает в себя много интересного, о чем можно говорить достаточно восторженно и возвышенно, чуть ли не в жанре проповеди. И вообще, тема жертвы всегда имеет явную или неявную возвышенную стилистику, так как обычно исследуется в парадигме сакрального. Однако по истечении некоторого времени становится очевидно, что подобная стилистика и подобная парадигма очень серьезно ограничивают подходы в изучению феномена жертвы. Следует предположить, что для того, чтобы продвигаться вперед, от них следует отказаться. Возможно, этот отказ – отчасти *ressentiment*. Возможно, пришло и его время.

Тем не менее, на наш взгляд, при рассмотрении феномена жертвы и жертвоприношения продуктивен системный подход, когда мир рассматривается как суперсистема, а приносящий жертву человек – как ее элемент. В этом случае следует заметить, что архаический человек, с одной стороны, являясь элементом (супер)системы-мир, с другой стороны, по его субъективным ощущениям, таковым не является. Исходя из такого субъективного ощущения человека архаического, нам, в отличие от него, можно понимать жертву как средство его включения в эту систему. Однако здесь возникает вопрос о том, для чего архаическому человеку так необходимо включаться в систему еще и еще раз, т.е. осуществлять с некой (высшей) силой связь, или религию в трактовке Лактанция?

Заметим, что человеку как элементу системы-мир совершенно необязательно заново встраиваться в нее, когда он уже в нее и так встроен. Другое дело, если он претендует на включение в *фи-*

*зиогенную*² теологическую систему (далее ФТС), занимающую, по его мнению, тот же объем, что и система-мир. Именно в этом случае ему становится нужна жертва как источник энергии, необходимой для его локального включения в ФТС и поддержания этого включения некоторое время. Однако, здесь возникает следующий вопрос: для чего архаическому человеку (напомним: по его субъективным ощущениям) необходимо включиться в ФТС?

Очевидно, что архаический человек в суровых условиях выживания делает это, руководствуясь хотя бы какой-то выгодой. И в этом случае ему недостаточно установления с некими (высшими) силами религии в трактовке Лактанция как простого манифестирования своего существования перед высшими силами. Здесь ему необходимо установления религии в трактовке Цицерона, как взаимоотношений между элементами системы, подразумевающих обратную связь, как отношений коммуникации. Такие отношения говорят о том, что архаический человек понимает ФТС как иерархию «божественных/высших сил», или, выражаясь современным языком, как систему, состоящую из элементов, обладающих жизнью и разумом. Современное сознание отличается от архаического

138

² Понятия *физиогенной* и *социогенной религиозности* раскрываются нами в статье: Першин Ю.Ю. Типология архаического религиозного сознания: антропологические основания // *Философская мысль*. 2013. № 7. С. 471-495. URL: http://e-notabene.ru/ff/article_650.html. Физиогенная религиозность понимается как рожденная в результате коммуникации человека с природой, в результате антропоморфизации природных явлений и их обожествления, когда человек и социум не выделяют себя из природного мира. Физиогенная религиозность принимает форму так называемых «природных религий» и верований. Физиогенная теологическая система (ФТС) – набор религиозных актов, верований, представлений о «высших» или природных силах, духах, божествах, потустороннем мире и пр. с точки зрения физиогенного архаического сознания. Социогенная религиозность порождается общественными отношениями, отношениями между людьми, отделяет себя от природы и является преимущественно политическим конструктом. Соответственно, социогенная теологическая система здесь обозначается как СТС.

¹ Першин Ю. Археология религии: жертва и жертвенность. *Credo new*. Теоретический журнал. Санкт-Петербург. 2009. №3(59). С. 126-138.

Юрий Юрьевич ПЕРШИН / Yuri PERSHIN

| Жертва: взгляд циника / The Sacrifice: a Cynical Approach |

тем, что разделяет систему-мир и ФТС. Архаическое сознание эклектически считает их, с одной стороны, единым целым, с другой стороны, ФТС для него представляется труднодостижимой в силу «небожественной» природы человека. И далее, для того, чтобы ответить на вопрос о том, для чего архаическому человеку необходимо включиться в ФТС, нам следует обратиться к рассмотрению некоторых особенностей природы человека.

На стоянке синантропов (Нижняя пещера Чжоукоудянь, Китай), возраст которой определяется в 460 000 лет, были найдены кварцевые призм, которые специалисты отнесли к древнейшим инструментам магии³. Сама магия, как впрочем и религия (К. Леви-Стросс точно заметил, что нет религии без магии, как и магии, которая бы не содержала зерно религии⁴), является древнейшим инструментом, во-первых, встраивания архаического человека в мир как ФТС, и во-вторых, помогающим в исполнении желаний, впрочем, не всегда удачно и обязательно. Хотя последнее обстоятельство как раз и объясняется архаическим сознанием как проявление свободной воли тех сил, с которыми человек пытается объединиться, или включиться в систему. Иными словами, как магия, так и религия (в представлении архаического сознания) предоставляют человеку ряд преимуществ перед теми, кто не связан с этими областями человеческой деятельности. Это способствование в получении желаемого, правильные и своевременные действия, подсказки, покровительство, защита, знание будущего и многое другое. Это одно из средств (помимо разума человека), которое помогает ему быть адекватными в этом мире, то есть помогать ему управлять или участвовать в управлении этим миром, собственной судьбой (насколько это возможно), получая от

этого удовольствие. Это одна из особенностей природы человека, изучаемая, в том числе и в психоаналитической парадигме⁵. Таким образом, жертва (для архаического сознания) – один из инструментов включения в ФТС (а потом и в социогенную теологическую систему – СТС) для улучшения своей жизни, а также получения преимуществ над теми, кто в нее не включен, или включен посредством иного «интерфейса»⁶. Отсюда следующим вопросом будет: почему архаический человек так уверен в получении преимуществ при включении в ФТС?

Мы уже говорили о том, что система-мир и ФТС налагаются друг на друга и зачастую современному человеку становится трудно определить, гармонизируется ли архаичный человек с природой-миром или с ФТС. Следует заметить, что современный человек, пытаясь «вернуться к природе» всего лишь воспитывает у себя так называемое «экологическое сознание»⁷, не имеющее ничего общего с религиозным. Это, с точки зрения архаического сознания, довольно однобокое отношение к миру как к чистой окружающей среде, но не как к единому живому организму. Наиболее полное включение человека в мир и ФТС и, собственно, отношение к миру как к единому живому организму, обладает характеристиками сакральности и религиозности и, зачастую, близко к экстатическому состоянию, и здесь особенно хороши примеры раз-

139

⁵ Ив Хендрик определяет такое удовольствие от удовлетворения гипотетического «инстинкта овладения и управления окружением» как «удовольствие от успешно выполненного действия», когда человек «может управлять своим окружением и изменять его» Hendrick I. Work and the pleasure principle // Psychoanalytic Quarterly. 1943. No. XII. P. 311.

⁶ В данном случае «интерфейс» обозначает способ соединения с сакральным: христианский (православный, католический, протестантский и др.), исламский и др.

⁷ Першин Ю. Ю. Экологический кризис как философская проблема на рубеже XX-XXI веков // Философия: история и современность. 2004-2005: Сб. науч. тр. Институт философии и права Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН / Новосибир. гос. ун-т / Омский гос. ун-т. Новосибирск, Омск, 2005. С. 285-301.

³ Тщательный анализ стоянок синантропов позволил ряду видных ученых (Карл Нарт, Иоганн Марингер) поставить вопрос о религиозности китайских питекантропов. См.: Nart K. J. Religion und Magie in der jungsten Altsteinzeit // Handbuch der Urgeschichte. 1966. Vol. 1. S. 298-320; Maringer J. Gods of Prehistoric Man. London: Phoenix Press, 2002.

⁴ Леви-Стросс, К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 288.

Юрий Юрьевич ПЕРШИН / Yuri PERSHIN

| Жертва: взгляд циника / The Sacrifice: a Cynical Approach |

личных прорицателей – пифий, оракулов, сивилл, пророков и пр. Но именно эти состояния и указанные персонажи являются механизмами и инструментами, посредством которых архаический человек напрямую обращается к представителям ФТС (затем и СТС). По его мнению, эти представители (различные боги, духи, силы, мертвые предки, тотемы и пр.), существуя одновременно в двух «мирах» (при этом «потусторонний мир» также входит в систему мира-организма), природе и ФТС, обладают лучшим видением ситуации, знанием будущего и прочими знаниями, умениями, атрибутами, использование которых в социальной среде, к которой принадлежит человек, представляет собой значительное преимущество перед остальными. «Существо», которое обладает этими преимуществами, с точки зрения архаического сознания, либо управляет реальностью (и вмешивается в дела людей), либо не управляет реальностью (и не вмешивается в дела людей). Тот, кто управляет реальностью, с точки зрения архаического сознания (в современных терминах) является Субъектом. Если таких «сущест» несколько – то они являются Со-Субъектами. Те, кем они управляют, являются объектами. Жертва такому Субъекту, таким образом, является средством соединения, объединения, единения с ним. При иерархической модели ФТС жертва приносится субъектам, занимающим различные уровни иерархии и исполняющими различные роли и функции. Иными словами, архаический человек, жертвуя, приобретает часть субъектности такого Субъекта в виде «бонуса»: адекватности поведения, ответов на сложные вопросы, знания будущего и пр., того, что дает ему возможность влиять на реальность вокруг себя с желаемым результатом. Отсюда жертва – свойство и признак (потенциального) субъекта (архаического человека), или, по крайней мере, манифестация его намерения приобрести субъектность для ее применения – изменения реальности вокруг себя или адекватного встраивания в нее. Или, иными словами, жертва – это механизм, объединяющий человека, заявляющего себя как элемент ФТС/СТС, с представителем «высших сил» (и другими элементами

ФТС/СТС), который, как представляется человеку, стоит на более высокой ступени иерархии и обладает относительной или абсолютной субъектностью. Поэтому жертва всегда приносится с некоторой целью, или/и для получения какой-либо выгоды (от «удочки без крючков»⁸ до «спасения души»). Эта выгода может быть на первый взгляд не видна, но если разобраться в деталях, то она обязательно присутствует. Без нее жертва не является жертвой. Исходя из этого, желание «многих знаний» – признак потенциального субъекта. Но здесь придется принять и обратную сторону получения такого «знания», которая состоит в том, что стремиться стать субъектом (в соответствии с Эклизиастом) – значит «умножать скорбь», так как изменение реальности – очень хлопотное дело.

Далее, жертва существует не в линейном, а в циклическом времени. Именно циклическое время является одним из точнейших признаков присутствия архаического сознания. Благодаря такому существованию в циклическом времени жертва всегда своевременна. Поясним эту мысль. Современное сознание держится за такое свойство времени, как способность к упорядочиванию⁹. Такое упорядочивание проявляется во временных отношениях «раньше, чем», «позже, чем», «сначала, потом», «одно за другим». Или, иными словами, оно содержится в некотором временном градиенте, когда одно событие не происходит одновременно с другим событием. По мнению А. М. Анисова, невозможно логически примирить идеи цикла и порядка, т.е. циклического и линейного времени. В циклическом времени, в отличие от линейного, события не следуют одно за другим, а вновь и вновь повторяются. Парадокс в том, что события в циклическом времени тоже следуют одно за другим, однако если в линейном времени можно четко различить причину (раньше) и следствие (позже), то в циклическом времени следствие может происходить «раньше, чем» причина. Дело в том, что если

⁸ Имеется в виду роман Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна».

⁹ Анисов А. М. Свойства времени // Логические исследования. Вып. 8. М.: Наука, 2001. С. 5-25.

Юрий Юрьевич ПЕРШИН / Yuri PERSHIN

| Жертва: взгляд циника / The Sacrifice: a Cynical Approach |

время изобразить в виде циклической замкнутой линии и поместить на эту линию события, то следуя, к примеру, по часовой стрелке от события к событию, невозможно утверждать, какое из них произошло первым. Иными словами, невозможно утверждать, какое из событий *было в будущем*, а какое *будет в прошлом*. Здесь, созвучно парадоксу Шредингера, любое событие в циклическом времени одновременно является и причиной и следствием, но не в том смысле, как это происходит в линейном времени, в последнем – будущее альтернативно. В линейном времени для того, чтобы привлечь внимание и благоволение некой «высшей силы», необходимо сначала принести жертву. Так видит архаический ритуал современное сознание. Архаическое сознание знает, что внимание и благоволение «высших сил» может проявиться раньше, чем будет принесена жертва. Здесь, как считает архаическое сознание, важно намерение жертвы, которое в некоторый момент становится обязательным событием, судьбой, которая объединяет события и позволяет следствию происходить ранее причины. Именно поэтому жертва, как это ни парадоксально звучит, всегда предварительна, *своевременна* и, таким образом, *вневременна* – она к нему просто не привязана, она всегда тогда, когда нужно.

Однако циклическое время подразумевает ритм. Не следует злоупотреблять доверием «высших сил», сказал бы архаический человек в этом случае. Если произошло событие, которое он оценивает как «божественное вмешательство», «знак», «откровение» и тому подобное, жертву желательно бы принести как можно быстрее. Таким образом архаический человек видит себя, выражаясь современным языком, «клиентом с хорошей кредитной историей», которую, кстати, легко испортить человеку безответственному.

Кстати, об ответственности. Учитывая, что человек как элемент природной системы, принося жертву «высшим силам», включается в ФТС и становится одним из ее элементов, он естественно несет полную ответственность за жертву, а следовательно, за возможную приобретаемую субъект-

ность, получаемые знания и прочие «бонусы». А теперь (отдадим дань современной толерантности и не будем привязывать наши рассуждения к какой-то определенной религии) представим, что в мире, к примеру, миллиард верующих, которые раз в год должны приносить жертву, причем, кровавую жертву, к примеру, быка. Миллиард человек – элементов природной и социальной систем – включаются (с точки зрения архаического сознания) в теологическую систему. Какой в этом смысл? Имеет смысл единичная жертва, пусть даже она состоит из пресловутой греческой «гекатомбы» (до ста быков). Жертву приносит потенциальный субъект, строго зная, как и для чего – для приобретения субъектности. Миллиард «жертв», которые приносит миллиард потенциальных «субъектов», не дают последним субъектности каждому в отдельности. Поэтому перефразируем известную фразу: одна жертва – это настоящая жертва, миллиард жертв – всего лишь статистика. Пятно растекающейся крови – это страшно, это ответственно. Море крови становится привычной средой обитания, кровь теряет свои свойства, она уже – не размыкание. Одна настоящая жертва, как сухой лист Г. Честертона, прячется в миллиарде подобных, но некачественных. Таким образом жертва превращается в лотерею. Бог, которому приносят миллиард жертв, превращается в звезду шоу-бизнеса, а приносящие жертву – в публику. Еще в подобной ситуации напрашивается ассоциация со сборщиком налогов, мытарем, и жертвой-данью.

Процесс убивания, который также не обязателен при принесении жертвы, является отдельной темой. Кто попытается объяснить религиозному человеку, что убить быка – еще не значит принести жертву? Я оговорился, конечно же, не религиозному человеку, а суеверному¹⁰. Люди религиозные

¹⁰ К примеру М. Цицерон в трактате «О природе богов» (N. D. ii. 72) различает религию и суеверие, которая заслуживает порицания. А в трактате «О дивинации» предлагает суеверия искоренять (De Div. ii. 148). Вероятно, Цицерон хорошо различал «настоящность» религиозных отношений и «ненастоящность» того, что выдавали за религию.

Юрий Юрьевич ПЕРШИН / Yuri PERSHIN

| Жертва: взгляд циника / The Sacrifice: a Cynical Approach |

легко принимают критику и изменения, которые помогают им *установить более тесную и качественную обратную связь с их богом* – религию. Люди суеверные не принимают таких советов, отвечая, что так делали их предки. Таким образом, в суевериях во всей красоте и чистоте до нас доходит глупость предков наших современников, а также глупость самих наших современников. Напомним, что религия – это обратная связь, которая обязательно должна корректировать поведение людей религиозных при ответе божества, на то она и обратная связь. И вообще: нельзя говорить о жертве вне дискурса *re-ligio*. Отсюда вопрос: отвечает ли бог тем, кто приносит жертвы? Корректирует ли он поведение своих подопечных? Иными словами, присутствует ли религия?

Убить жертву (что часто происходит во время жертвоприношений) совершенно не обязательно означает убить ее физически, ведь жертва, как элемент системы-мир, просто выводится из этой системы, перестает быть ее элементом и становится элементом ФТС. Это именно человек, как считает архаическое сознание, при жертвоприношении, оставаясь элементом системы-мир, становится также элементом ФТС. Объясним более понятно: люди ходят на кладбища, посещают могилы родственников, на которых оставляют сладости, печенье и продукты питания. Таким образом они, не уничтожая продукты, просто «убивают» их, переводят в «другой мир». Поэтому в работе «Археология религии: культура смерти»¹¹ мы сделали попытку объяснить этот теологический механизм, показать, как с позиции архаического сознания, человек, будучи живым, может одновременно быть «мертвым».

Человек эволюционирует, развивается культура, наука, экономика. Но почему раз в год цивилизованные люди XXI века, века айфонов, компьютеров, космоса и нанотехнологий, становятся средневековыми варварами, пускающими

под нож животных (а в местах конфликтов – и людей) и льющих реки крови? Их жертва, их «религиозное сознание» и религия, их теологическая система не эволюционируют? Следовательно, это не живая религия, а мертвое суеверие? Парадоксально, но архаическое сознание, несмотря на то, что стремится все делать «по обычаям предков», эволюционирует, как эволюционирует и религия (миф, религия, наука). Именно поэтому одни религии сменяют другие. Именно жертва вскрывает противоречие между современной жизнью и не архаическим, а архаическим¹² содержанием религии. Мы когда-то говорили о том, что человек, принося жертву, отключается от нашей настоящей реальности и выбрасывается в настоящую – вне времени, вне цивилизации, в топос онтологической морали и ответственности¹³. Вы можете себе представить миллиард совершенно моральных и ответственных людей одновременно, в момент принесения жертвы – то есть, фактически, убийства? Да и не только в момент принесения жертвы.

Всем известно, что «высшие силы» требуют от людей благочестия в повседневной жизни. Такие требования закреплены в заповедях, священных книгах, устном творчестве и пр. информации религиозного и морально-этического содержания, носящих рекомендательный и регулятивный характер. Однако современное сознание, видя только внешнюю сторону такой регламентации, не видит за ней то, что видит архаическое сознание. С точки зрения последнего, люди, приносящие жертву коллективно, являются для ФТС единым элементом, «коллективным телом». Такое «коллективное тело» (у язычников – «род») является единой личностью,

¹² Согласимся с В. В. Савчуком, *архаическое* и *архаичное* не являются тождественными понятиями. Архаичное уместно относить к взглядам недавнего прошлого; оно имеет «привкус» негации и оценки. Это устаревшее, отжившее, мертвое. Архаическое – определение сознания, элементов, сторон, уровней сознания первобытного человека. (см.: Савчук В. В. *Кровь и культура*. СПб., 1995. С. 7). Оно вневременно и всегда современно.

¹³ Першин Ю. Археология религии: жертва и жертвенность. *Credo new*. Теоретический журнал. СПб. 2009. №3(59). С. 126-138.

¹¹ Першин Ю. Ю., Северьянов А. Н. Археология религии: культура смерти // Религия в диалоге культур. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 2008. С. 15-21.

Юрий Юрьевич ПЕРШИН / Yuri PERSHIN

| Жертва: взгляд циника / The Sacrifice: a Cynical Approach |

которая включается в ФТС для приобретения от нее субъектности. И оно настолько качественно в теологическом смысле, насколько все члены такого «коллективного тела» придерживаются зафиксированных и неписанных религиозных норм. Для примера вспомним древних греков: «быть гражданином» полиса было равносильно «соучастию в жертвоприношениях» (Демосфен)¹⁴, при этом даже гражданин полиса, возвратившийся из путешествия, не мог участвовать в жертвоприношениях, пока не пройдет обряд очищения. Такое понимание ситуации архаическим сознанием, будучи

изложено современным языком, означает, что качество такого приносящего коллективную жертву «коллективного тела» представляет собой среднее арифметическое суммы качеств каждого отдельного его элемента-человека. Теперь переформулируем вопрос, заданный выше: каково может быть количество совершенно моральных и ответственных людей среди миллиарда человек, приносящих фактически коллективную жертву? Ответив на него, мы ответим и на вопрос является ли жертва благочестивой.

¹⁴ Ильин И.А. Путь к очевидности / Путь духовного обновления. М.: Республика, 1992. С. 230.

